

— Дело здесь не в безумии. Просто глупая курица вздумала разыгрывать петуха.

Все снова покатались со смеху.

Письмо Жанны решили не удостаивать ответом. Его порвали и бросили в огонь.

В пятницу, 8 июля, король созвал экстренное заседание. Были приглашены принцы крови, постоянные советники и военные вожди. Господа были настроены мрачно. Они нарисовали весьма безотрадную картину.

Вот уже четыре дня, как они болтаются перед Труа. Их встретили пулями и ядрами. О том, чтобы взять город миром, нечего и думать. Штурмовать? Но это безумие. Городские стены с ходу не преодолеешь. Осаждать? Но при своих ресурсах город выстоит не одну неделю. Кроме того, Труа завязал переписку с Шалоном и Реймсом — составила настоящая коалиция. Если эти города будут действовать в содружестве, если годоны или бургундцы подтянут свежие силы, — тогда арманьяков ждет гибель. А пока что армия голодает, надеяться не на что. Надо, смилив гордыню, заворачивать обратно в Жьен. Не согласятся с этим сейчас — станут каяться после, да будет поздно...

Вдруг раздался стук в дверь.

На пороге появилась Жанна, бледная и спокойная. Она пришла сюда, повинувшись внутреннему голосу. Сердце подсказало девушке, что здесь решается судьба похода. И она одна, зная настроения воинов, могла дать достойный ответ господам тихоходам.

Подойдя к королю, Жанна преклонила колена.

— Милый дофин, не поддавайтесь печали. Вы вступите в город не позднее чем по истечении трех дней.

Советники были поражены. Камень спал с души Реймского архиепископа. Вот она, неожиданная спасительница! Вот слова, которые нужно было произнести!

— Жанна, — ласково сказал он, — мы подожд-